

ИСТОРИЯ

Б.Г. Алиев
А.Э. Абдуллабекова

И.-Г. ГЕРБЕР О КАЙТАГЕ

Кайтаг (Хайдак) является одним из наиболее известных государственных образований Дагестана, которое наряду с Дербентским владением, Лакзом, Табасараном, Сериром, Зирихгераном, Гумиком, «царством гуннов», ал-Карахом (ул-Карах, Уркарах), Шанданом, Филаном возникло после включения Кавказской Албании в состав Ирана в качестве отдельного наместничества в середине V в. н. э. (История Дагестана, 1967. С.121). У арабских историков, географов и путешественников Кайтаг дается как страна (царство) или город под названиями Хайда, Джанда, Джандан, Джанзин, Хандах, Хайзан, Хамзин, Хайзадж (*Караулов Н.А.*, 1901. С.15; 1902. С.29; 1903. С.15, 47; *Белазури*, 1927. С.16; *Якуби*, 1927. С.7; *Абу-Хамид ал-Гарнати*, 1971; С.26, 49; *Минорский В.Ф.*, 1963. С.47.)

Кайтаг охватывал первоначально только территорию равнинной и предгорной части будущего Уцуми-Дарго, о чем может свидетельствовать наличие одновременно с Кайтагом и таких раннефеодальных государственных образований, как Зирихгеран, ал-Карах (Ул-Карах, Уркарах), Шандан, Филан, которые затем распадаются на союзы сельских общин. В частности, ал-Карах распался на союзы Гапш, Ганк и Муйра, которые и были присоединены к Кайтагскому уцмийству, как его горная часть.

Кайтаг располагался непосредственно вблизи Дербента. Эвлия Челеби писал, что на юге Кайтагское уцмийство доходило «до персидского Демир-Капу очень близко» (*Челеби Э.*, 1979. С.117). В Посольском приказе в январе 1632 г. посол Кайтага Шамсей заявил, что «Дербени от уцмиевы земли близко, всего в 15 верстах» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв., 1958. С.95). По сообщению участника посольства А.П. Волынского в Персию дворянина А.Н. Лопухина, Дербент имел «границу с усми в двух агачах» (*Лопухин А.Н.*, 1958. С.30).

На территории Кайтага жили собственно кайтаги, остатки кочевых народов, в том числе савиры, гунны, тюрки, хазары и татары, евреи, а с присоединением горных даргинских союзов Гапш, Ганк и Муйра и даргинцы.

Как отметили выше, после распада ал-Караха в составе Кайтагского уцмийства находились и горные даргинские общества. Вся эта территория, начиная от Дербента, охватывая равнинную, предгорную и горную части, и составляла феодальное владение, известное под названием Кайтагское уцмийство, о котором и писал участник Каспийского похода 1722 г. Петра I офицер царской армии И.-Г. Гербер. О нем уже написано в ряде работ (*Гаджиев В.Г.*, 1979; *Алиев Б.Г.*, 2003; 2005). Поэтому нет необходимости еще раз останавливаться на биографических данных И.-Г. Гербера, а следует начать сразу с его характеристики Кайтага как одного из известных и сильных феодальных образований Дагестана.

Прежде всего, отметим, что все сказанное выше о Кайтаге так или иначе подтверждается в «Описании» И.-Г. Гербера, который, будучи в Дагестане до 1729 г., сам был свидетелем происходивших здесь событий и политического положения феодальных образований и союзов сельских общин, которым, собственно, и посвящено оно. Кайтагу И.-Г. Гербер посвятил два, если можно так сказать, раздела – 28 и 29. Как и другие разделы, в которых говорится о феодальных владениях и союзах сельских общин, разделы о Кайтаге начинаются с названия местности, территории, названных автором «имена провинциальные» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). И далее дается наименование «провинции» Хайтаки и Карахайтаки» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Затем следует определение самого народа как жителей провинции. Первый раздел озаглавлен «Имена уездные и народам» и дается ответ «хайтаки, народ» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Действительно, сами себя кайтаги называют хайдаками, и другим народам Дагестана они известны под этим названием и поэтому они называют их также хайдаки.

Откуда возникло название Кайтага – Хайдак, с чем связаны его этимология и его смысл, об этом И.-Г. Гербер не пишет.

Однако по поводу происхождения названия Хайдак и народа, проживающего в нем как хайдаки, существуют различные версии, высказываются разные мнения, и происхождение этого названия связывается то с правителями, то с господствующим классом, то с каким-нибудь государственным деятелем и т. д.

Речь в данном случае идет о Кайтаге (Хайдаке) без даргинских обществ Ганк, Гапш и Муфра, входивших, как отмечалось выше, в государственно-политические образования Зирихгеран и Ул-Карах (ал-Карах, Уркарах), существовавшие одновременно с Хайдаком. Собственно Кайтаг – это Нагорный или Верхний Кайтаг (ШибяхI Хайдахъ), который включал в свой состав четыре общества или части: 1. Шуркант, 2. Каттаган (Каттагни), 3. Ирчамул (Урчемул), 4. Кара-Кайтаг (Къара-Хайдахъ) и Нижний Кайтаг (УбяхI Хайдахъ), т. е. равнинная и предгорная части. Первая из них до переселения сюда терекемейцев в XVI в. была занята ирчамульцами (*Комаров А.В.*, 1873).

Если обратиться к мнению о том, что название Кайтаг связано с его правителями, то следует отметить, что это наиболее раннее из всех существующих мнений. Оно опирается на сведения известного арабского путешественника, историка и географа X в. ал-Масуди о том, что родоначальником хайдакских правителей являлся представитель арабской семьи Кахтан. Он писал, что «царь этой страны мусульманин и считает себя принадлежащим к арабской семье Кахтан» (*Караулов А.И.*, 1908. С.52).

Это утверждение нашло поддержку в работах отечественных и зарубежных авторов, писавших о Хайдаке и о происхождении его правителей. Однако не все исследователи разделяют это мнение. Так, по мнению известного востоковеда

В.Ф. Минорского, утверждение об арабском происхождении «кайтагского князя» (от арабского родоначальника Кахтан) «есть, конечно, чистая выдумка арабов, основанная на простом созвучии» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С.127). Именно в связи с этим В.Ф. Минорский писал о возможности происхождения названия Хайдака от местных правителей. Он отмечал: «Название *хайдак (кайтаг)* звучит по-алтайски (по-хазарски?). Но сообщение Эвлия-Челеби (II, С.251), что в его время (1647 г.) кайтаги, которых он будто бы встречал между Шеки и Ширваном, говорили по-монгольски, – чистое заблуждение. Слова их языка, которые он приводит, являются только воспроизведением списка монгольских слов, данных у Хамдуллаха Мустоуфа в первой естественно-исторической части его труда *Нузхат ал-кулуб*. Список этот не имеет никакого отношения к Кайтагу». Далее, переходя к возможному варианту возникновения названия Кайтаг, В.Ф. Минорский писал: «Возможно, что хайдаки получили это название от своего высшего класса, состоящего из пришельцев (как это случилось с кавказскими аvaraми), но, в противоположность мнению Бартольда, это произошло не во время монгольского нашествия, а несколько веков раньше, так как название Хайдак засвидетельствовано (с различными ошибками в написании) уже у арабских авторов IX-X вв. н. э.» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С.127). Ниже в примечании В.Ф. Минорский отмечал: «Имя Кай известно среди алтайских народов.., но сочетание *Кайтаг* не встречается в других местах» (*Минорский В.Ф.*, 1963. С.127).

Остановимся еще на ряде мнений о происхождении и этимологии названия Хайдак (Кайтаг), которое интересовало и отечественных, и зарубежных авторов. В начале XIX в. С.М. Броневский писал: «Около Буама живут Кайтаги старожилы дагестанский народ, чаятельно получивший название свое от бывшего в сих местах древнего рода Кадака; а по Дарваху живут *Каракайдаки* или черные Кайдаки, коим дано имя сие, как кажется, по черному виду местных гор, ими обитаемых, которые по сей самой получили от россиян название Черных гор» (*Броневский С.*, 1823. С.310).

Название Хайдак (Кайтаг) интересовало и известного азербайджанского ученого А.-К. Бакиханова. Он связывал происхождение Хайдака с пребыванием здесь Ахеминида Кира II (Кай-Хосрова ?–530-е гг. до н. э.). Исходя из противоречивости сведений античных и восточных авторов он полагал, что Кир II совершил поход в Кавказскую Албанию, где и погиб вместе со своим войском в тесном ущелье. А последнее, по его мнению, «быть может, узкий горный проход ведущий от реки Рубас посреди Табасарана к Дарвагу и Кайтагу» (*Бакиханов А.-К.А.*, 1991. С.33). Вместе с тем А.-К. Бакиханов предполагал, что «убиение Кира случилось в одном из ущелий Цуги, среди множества племен кайтагских, акушинских, казикумухских и других, а не в Ганджинской долине, как полагают некоторые, где равнинная земля и никакого ущелья нет» (*Бакиханов А.-К.А.*, 1991. С.33). Но здесь не прав и сам А.-К. Бакиханов: известно, что Кир II погиб не на Кавказе, а в Средней Азии на восточном берегу Аму-Дари в 530 г. до н. э. во время похода на масагетов (*Дандамаев М.А., Луконин В.Г.*, 1980).

Более интересно другое мнение А.-К. Бакиханова. Остановившись на вопросе исторической географии Ширвана и Дагестана, он ссылаясь на М.Чамчиана, который в своей «Истории Армении» перечислял четыре провинции – Алан, Баслас, Гаптаг и Гун (*Чамчиан*, 1784. С.132; *Бакиханов А.-К. А.*, 1991. С.14). Используя эти сведения, А.-К. Бакиханов писал: «Можно считать Кайтаг и Гаптаг за слово одного происхождения или же *таг* (гора) вообще означает Дагестан: владение

Шамхала с прибавкою *gen* (все) называлось Гептаг, а владение Уцмия – с добавлением слова *Кай*, означающее на древнеперсидском языке «большой» и «высокий» или же в связи с поражением здесь Кай-Хосрова (Кира)... называется Кайтаг» (*Бакыханов А.-К. А.*, 1991. С.15).

Существует и народная этимология названия государственного образования *Хайдак* (*Кайтаг*) и этнонима *хайдаки* (*кайтаги*), объясняющая значение, смысл этого термина на основе даргинского языка. Согласно этому толкованию, название Хайдак выводится из сочетания слов *гъай* и *дакъа*, т. е. «гнать (скот)», «погонять (скот)» (*Магомедов Р.М.*, 1964. С.5; полевой материал, собранный нами в Кайтагском районе в 1968 г.). Существует предание, связанное с воровством скота жителями нынешнего Кайтага у башлинцев. Согласно ему, башлинцы оставили своего односельчанина, до которого дошла очередь караулить ночью скот от воров, дав наставление узнать, кто эти воры. Воры ночью действительно пришли, говорится в предании, и угнали башлинский скот. На следующий день оставленный караулить скот на вопрос односельчан: «Кто же это были?» ответил: «Я не знаю, кто они такие были и откуда пришли, но они говорили друг другу «гъай дакъа». От этих слов, означающих «гони (скот)», согласно преданию, и произошло «Гъайдакъ» (Хайдакъ) и название этнической группы хайдакъи. Их так называют не только соседи, в частности башлинцы, но и другие народы, от которых и восприняли они это название.

Остановившись на расположении Кайтага, занимаемой им территории, озаглавленной как «ситуация», И.-Г. Гербер писал, что это владение Дагестана находится «подле моря, расстоянием от Утямиша до реки Дарабах, которая речка назначает границу от Ширвани к норду (северу. – Авт.), к весту (западу. – Авт.) протегается (тянется. – Авт.) до карахайтаков» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 830). Речь, как видно из очерченных границ, конечно же, идет только о территории Нижнего Кайтага, куда входила Терекемейская равнина, начиная недалеко от Дербента и до предгорных обществ Каракайтага. Это только территория, которая еще с раннего средневековья, согласно арабским источникам, входила в состав Кайтага, и вряд ли можно согласиться с существующим мнением, что при арабах Кайтаг («Кайтаг – Дарго») охватывал «территорию Сюрга, Муйра, Гапш, Ганк, Каба-Дарго, Верхний и Нижний Кайтаг, Терекеме и Гамринский магал» (*Магомедов Р.М.*, 1968. С.83). И совершенно прав А.Р. Шихсаидов, который пишет: «Перечисленные здесь названия населенных пунктов и обществ зафиксированы в источниках XVIII-XIX вв., но для более ранних этапов в местных источниках эти названия не встречаются» (*Махмуд из Хиналуга*, 1997. С.102).

В сообщениях арабских авторов о Кайтаге нам важно определение ими его южных границ. Это река Дарваг (у ал-Куфи – ал-Ран, у Балами – Нахравам) (*Абу Мухаммад Ахмед ибн Асам ал-Куфи*, 1975. С.31; *Айтберов Т.М.*, 1986. С.25). Об этом же писал, как говорилось выше, и И.-Г. Гербер. Значит, точно известно, что южные границы Кайтага со времени появления его на политической арене проходили по реке Дарваг. Об этом пишет и Т.М. Айтберов, отмечающий, что «в XIII в., подобно тому, как это имело место позднее, южной границей Кайтага была речка Дарвагчай» (*Айтберов Т.М.*, 1986. С.25). Что же касается первоначальной территории Кайтага в целом, то она, по его мнению, соответствовала «примерно бассейну Улучая, о котором известно, кстати, что именно там издавна расселены носители кайтагского диалекта даргинского языка» (*Айтберов Т.М.*, 1986. С.25).

И.-Г. Гербер после определения территории и границ Кайтага пишет о владении, назвав его «уездом», который был «немалой и хорошей, земля плодородна, состоит во многих хороших и великих деревнях, между которыми, знатнейшая именован Башло, в которой усмей сам живет» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83).

Как видно из приведенных слов И.-Г. Гербера, здесь поднято много вопросов. Поэтому есть необходимость более подробно остановиться на каждом из указанных, так как они содержат в себе широкий смысл, что подтверждается материалом из других источников и работ отечественных и зарубежных авторов XVIII–XIX вв.

Начнем с вопроса, что Кайтаг был «немалой и хорошей». Действительно, это феодальное владение в XVIII в. занимало большую территорию по масштабам Дагестана, которая охватывала и равнину, и предгорье, и горную часть. Я. Рейнеггс в 80-е гг. XVIII в. отмечал, что «правой берег реки Инче составляет северные, а река Теребах (Дарбах. – Авт.) – южные границы княжества Каракайдека» и что земля его правителя уцмий «с южно-западной и западной стороны граничит и с другими поколениями и Али-Султаном» (мехтулинский хан. – Авт.) (Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв., 1992. С. 275, 276). В конце XVIII в. участник Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонов писал, что «владение уцмиево определяется от севера шамхаловым и Али Султановым владениями, частью и акушинцами, от востока также омывается Каспийским морем, от юга рекою Дарбахом до вершины, от коей хребтом горы между рек Гургени и Буама, со владениями Дербентским, Кадиевым (Табасаранским. – Авт.) и Девек Елемиевым; от запада вышесказанным хребтом гор с народом вольным казыкумыками» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.125–126).

Данные авторов начала XIX в., дополняя сведения XVIII в., указывают на наличие в составе Кайтагского уцмийства плоскостной, предгорной и горной частей, говорят о протяженности его территории. Так, А.И. Ахвердов в 1804 г. писал: «Владение уцмий каракайдацкого есть на плоскости, в длину простирающееся на 50, в ширину от моря до гор 25, а внутри гор, из деревни его пребывания, называемой Баргшлы, до 90 верст» (*Ахвердов А.И.*, 1958. С.215). Согласно сведениям 20-30-х гг. XIX в., Кайтагское уцмийство занимало территорию от речки Орусай-Булак к югу вдоль Каспийского моря на 60 верст до реки Дарбах, в ширину от моря до гор и в самих горах на 100, а в окружности 350 верст (*Броневский С.*, 1823. С.309; *Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф.*, 1958. С.309). В 1835 г. П. Зубов писал, что уцмийство Кайтагское «отделяется от Казыкумыцкого Ханства на Западе хребтом гор в дугообразном направлении; на Юге рекою Дарбах от владения Шамхала, а на Востоке сопредельно Каспийскому морю, по западному берегу которого протягивается на 60 верст» (*Зубов П.*, 1835. С.250).

В целом Кайтагское уцмийство занимало южную и юго-восточную части территории Среднего Дагестана – «пространство около 3000 верст» (Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, 1836. С.21).

Следующий вопрос, поднятый И.-Г. Гербером о Нижнем Кайтаге, – земледелие, где он пишет, что земля этого владения «хлебородна». Действительно, в Нижнем Кайтаге больше занимались земледелием и здесь находились прекрасные поля, дающие хорошие урожаи различных зерновых культур. Это прежде всего Терекеме, занимающее всю плоскостную часть Кайтагского уцмийства. Об этом

будет сказано более подробно ниже, так как наш автор в другом разделе об этом пишет гораздо больше.

Что касается следующего утверждения И.-Г. Гербера о том, что Кайтагское уцмийство имело много хороших и «великих» (больших) деревень и среди них выделялась как «знатнейшая» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83) столица уцмий Башлы, то нельзя с этим не согласиться. Действительно, в Нижнем и предгорном Кайтаге было много больших населенных пунктов, как-то, кроме Башлы, Великент, Янгикент, Чумлы, Маджалис, Санчи, Ахмедкент, Хадаги, Баршамай, Джавгат, Джибахни, Карацам, Кирки, Кирцик, Шурагат, Варсит, Шиланша, Кулиджа, Шиляги, Абдашка и т. д., многие из которых имели по сотни хозяйств. В столице уцмийства, согласно данным начала XIX в., было около 500 домов (*Броневский С.*, 1823. С.311).

Естественно, имея большую территорию и много населенных пунктов, Кайтагское уцмийство было одним из густонаселенных владений с большим числом жителей, хотя И.-Г. Гербер и не приводит общее количество жителей Кайтага. Но по другим сведениям, хотя и не первой трети XVIII в., мы можем говорить о численности населения этого феодального владения. В 90-х гг. XVII в., согласно отписке терского воеводы князя М.П. Пронского в Посольский приказ о переговорах с кайтагским уцмием от 19 декабря 1634 г, уцмий имел 40 тыс. подвластных (*Русско-дагестанские отношения XVII-первой четверти XVIII вв.*, 1958. С.123). По сведениям Э. Челеби, относящимся к этому времени, в уцмийстве проживало 20–50 тыс. человек (*Челеби Э.*, Л.16, 82). По сведениям конца XVIII – первой трети XIX в., в уцмийстве было гораздо больше жителей. Так, по данным И.Т. Дренякина, П.Г. Буткова, С.М. Броневского, Ю. Клапрота, М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга, количество дворов в уцмийстве доходило до 25 тыс., а число жителей – до 75 тыс. человек (*Дренякин И.Т.*, 1958. Таблица; *Бутков П.Г.*, 1958. С.210; *Броневский С.*, 1823. С.314; *Клапрот Ю.*, 1827. С.16; *Ковалевский М.К.*, *Бларамберг И.Ф.*, 1958. С.309).

Если взять среднее число и учитывая такие крупные негативные военные события, имевшие место в 40-х и 60-х гг. XVII в. в Кайтаге и походы Надир-шаха в Кайтаг в 1735–1742 гг., то можно полагать, что в период, когда писал свое «Описание» И.-Г. Гербер, в Кайтагском уцмийстве было приблизительно такое же число жителей, как и в конце XVIII – начале XIX в.

Верно утверждение И.-Г. Гербера, что столицей Кайтагского уцмийства в описываемое им время было сел. Башлы. Ранее столицей уцмийства было сел. Калакорейш (или Кара-Корейш), называемое местным населением Уркмудза (от слов «урга» – середина и «муза» – холм; селение в середине холма). Кала-Корейш – крепость курейшитов, которая якобы была первоначальной резиденцией владельцев Кайтага, поставленных арабами. Затем столица была перенесена в Уркарах, из которого уцмий был выгнан восставшим народом за его издевательства и насилие, и он опять переехал в Кала-Корейш. Отсюда уцмий перенесли свою резиденцию в Маджалис, а затем в начале XVIII в. в Башлы, где они проживали вплоть до уничтожения правления, достоинства и титула уцмий А.П. Ермоловым в 1820 г.

В сюжете «Языки» И.-Г. Гербер писал, что хайдаки имеют «свой особенной хайтацкой язык» и что этот язык «некоторое сходство имеет с кумыцким языком» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Действительно, основное население Кайтагского уцмийства говорило на кайтагском диалекте даргинского языка, и большинство сел являлись кайтагскими. Что же касается некоторого сходства кайтагского и кумыцкого языков, то вполне возможно проникновение в язык кайтагов различных

слов из кумыкского языка, что было характерно и для других диалектов даргинского языка. Но далее И.-Г. Гербер писал, что «усмей сам, также и знатнейшие люди из хайтаков и карахайтаков, употребляют турецкой с татарским помещанной язык» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83).

Комментируя это сообщение И.-Г. Гербера, В.Г. Гаджиев писал: «Таким образом, создается любопытная картина: большая часть населения уцмийства говорила на кайтагском диалекте даргинского языка, а правящая верхушка уже тогда говорила на кумыкском языке. Это, очевидно, происходило от того, что уже в начале XVIII в. уцмий постоянно проживал в кумыкском селении Башлы» (*Гаджиев В.Г.*, 1979. С.119), на что указывал и сам И.-Г. Гербер, называя Башлы «знатнейшим» селением Кайтагского уцмийства.

В связи с анализом сведений И.-Г. Гербера о языке кайтагов нельзя не остановиться на мнениях авторов различного времени, писавших о языке кайтагов. Прежде всего, остановимся на комментариях на сведения И.-Г. Гербера проф. В.Г. Гаджиева: «Кайтаги, как известно, говорят на кайтагском диалекте даргинского языка. Однако наш автор утверждает, что они имеют свой язык, сходный с «кумыцким языком» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Как это понять? Дело в том, что кумыкским языком... наш автор называет лакский язык. А эти языки (даргинский и лакский), как известно, родственны. Более того, ряд советских лингвистов (Е.А. Бокарев, С.М. Хайдаков и др.) не только признают родственность даргинского и лакского языков, но и склонны считать, что эти языки составляют «одну даргинско-лакскую группу дагестанских языков» (*Гаджиев В.Г.*, 1979. С.119).

На самом деле в языках даргинцев и лакцев встречаются схожие слова и слова, происходящие из одного и того же корня, что говорит о близости этих языков двух народов Дагестана. Но И.-Г. Гербер писал о кайтагском диалекте (лингвисты считают его даже особым языком) даргинского языка, который имеет свои особенности и трудно понятен верхнедаргинцам, урахинцам, цудахарцам и т. д. Кайтаг не граничил с Казикумухом, и границы последнего общие с верхнедаргинцами и сюргинцами. Поэтому вряд ли можно говорить о сходстве лакского и кайтагского языков. Это сходство больше могло быть между лакским языком и акушинским, цудахарским и сюргинским диалектами даргинского языка. Но, повторяюсь, только не с кайтагским языком, хотя и другие авторы XVIII и XIX вв. также писали об этом, как нам думается, под влиянием работы И.-Г. Гербера, которой они пользовались. Но, прежде чем перейти к авторам этого мнения, проследим, что писали о кайтагах и кайтагском языке до И.-Г. Гербера.

Ф. Котов жителей между Дербентом и Тарками называл лезгинами (см. Дагестан в известиях... 1992. С.65). А. Олеарий считал их татарами, поскольку назвал уцмия «татарским князем» (*Олеарий А.*, 1906. С.489). Но в то же время, описывая Тарки, он подчеркнул, что «здешние дагестанцы, равно, как и бойнаки и живущие более к северу люди, именуются кайтаками» (*Олеарий А.*, 1909. С.498). Значит, А. Олеарий различал собственно кайтагов и кумыков, названных им татарами.

Я. Стрейс называл жителей плокостной части Кайтагского уцмийства «калмыцкими татарами» в отличие от «дагестанских татар», подчинявшихся шамхалу (*Стрейс Я.* 1935. С.241). По сведениям Э.Челеби, в Хайдаке основное население составляли кумыки, лезгины и гек-булаки (*Челеби Э.*, 1979. С.115). Последние, видимо, это терекемейцы, названные Я. Стрейсом «калмыцкими татарами».

Все перечисленные авторы писали до И.-Г. Гербера. Теперь обратимся к авторам, создававшим свои труды после него и под его влиянием. Так, в 80-е гг.

XVIII в. Я. Рейнеггс, будучи в низменной части Кайтага, писал, что язык «Каракайдека», как и «Гази-Кумука», «есть татарской, но столь испорченной, что никакой другой татарской народ разумеет его не может» (Дагестан в известиях... 1992. С.267.) Конечно же, Я. Рейнеггс ошибался, говоря, что у лакцев и кайтагов – один и тот же «татарской» язык. Это утверждение о татарском (тюркском) языке верно для терекмейской части Кайтагского уцмийства, но никак не для остальной части Кайтага.

Более верно о народах Кайтага и их языках писал И. Потоцкий, который делил население Кайтага на белых и черных. «Белые кайтаги, – отмечал он, – живут на берегах моря, говорят на особом тюркском диалекте, почему их обычно и называют тюрки, что доказывает их происхождение от тюрков-сельджуков.

Черные кайтаги (кара кайтаки) или горцы, по-видимому, лезгины, или сродни лезгинам, или акушинцы, ибо Geerber (Гербер), который их видел, говорит, что он нашел достаточно лезгинских слов в их языке» (Выдержки, касающиеся истории Дагестана из книги «Путешествие в Астрахань и на Кавказ». Первоначальная история народов, обитающих в этих странах. Новое описание Понта Эвксинского графом Иваном Потоцким. Работы, опубликованные и снабженные заметками и таблицами Ю. Клапротом, (1829. С. 18). Когда речь идет о лезгинах, ясно, что имеются в виду дагестанцы вообще, и верно, что в их языках много общих или схожих слов. Но, очевидно, здесь И. Потоцкий подразумевал в виду даргинский язык, схожий с кайтагским.

Ю. Клапрот, издавший работу И. Потоцкого, население Кайтага, как и других горцев, называет лезгинами. Это общее название, равнозначное названию дагестанцы. Далее он писал, что «они (кайтаги. – Авт.) образуют два племени: первые называемые кайтаги и или черные кайтаги, живут налево от Дербента. Берега моря заняты туркоманами – номадами (кочевниками), и между устьем Буама и устьем Дарбаха – другим племенем из того же самого народа. Это племя носит свое имя, производя его от Veregoue (Берекое) названия своего главного города» (*Клапрот Ю.*, 1827. С.17). Veregoue – это Берекей, известный у С.М. Броневского как Берекег или Берекой, который он перечисляет вместе с другими населенными пунктами Кайтагского уцмийства и о котором писал, что от названия «сей деревни Россияне называют тамошних жителей Берекейцами» (*Броневский С.*, 1823. С.313).

В рубрике «Законы» И.-Г. Гербер говорит о религии, которую исповедовали жители Кайтагского уцмийства, отмечая, что они «магуметаны, сунны» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83.). Действительно, основное население уцмийства исповедовало ислам суннитского толка. Но почему-то наш автор не говорит о евреях, исповедовавших иудаизм. Известно, что с сасанидского периода в Кайтаге, как и в ряде других районах Дагестана, проживали переселенные Сасанидами евреи. Проживали они в основном в ущелье «ДжугутІла къатти», получившем это название после их заселения здесь. Но еврейские поселения в прошлом находились также между этим ущельем и селением Ираги. Возможно, что евреи, как и ранее, в периоды нахождения И.-Г. Гербера в Дагестане, проживали в указанных местах. Но известно, что позже евреи переселились в Маджалис и образовали отдельный квартал, получивший название «ЖугутІла къатІ» («Еврейский квартал»). Источники конца XVIII в. говорят и о численности евреев, проживавших в этом квартале Маджалиса. По сведениям участника Персидского похода 1796 г. Д.И. Тихонова, в конце XVIII в. здесь находилось 200 домов евреев (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.131). Евреи проживали также и в других селениях Кайтагского уцмийства. К примеру, в Янгикенте было 139 домов евреев, а численность их в 80–90-е гг. XIX

в. составляла 595 человек (Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета, 1890. С.62).

Поэтому утверждение И.-Г. Гербера о том, что население Кайтага исповедовало только ислам, не совсем верно. Отсутствие в его работе сведений о евреях и иудаизме – это его упущение. Более верен в этом плане Ю. Клапрот, который писал, что каракайтаги «частично евреи, частично мусульмане, сунниты» (*Клапрот Ю.*, 1827. С.181). Речь и здесь, конечно, должна идти не только о самих каракайтагах и отдельно, как отметили выше, о евреях и даргинцах обществ Муйра, Гапш, Ганк. В целом следует отметить, что Кайтагское уцмийство было полиэтнической государственной структурой, где проживали кайтаги, даргинцы, кумыки, терекемейцы и евреи.

Следующий сюжет работы И.-Г. Гербера о Кайтаге посвящен владельцам. Владельцем, т. е. уцмием в Кайтаге в период И.-Г. Гербера, был Ахмед-хан. О нем и пишет И.-Г. Гербер, отмечая, что уцмий «себя также называет и пишут ханом хайтацким и карахайтацким» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Самое интересное, на что обратил внимание в отношении кайтагского уцмий И.-Г. Гербер, – это его положение в системе дагестанских феодальных владений. Остановившись на этом вопросе, он, в частности, писал: «Усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних (дагестанских. – Авт.) народов был и ныне еще в великом почтении» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83).

Нельзя не согласиться с этим утверждением И.-Г. Гербера, так как об этом писали и другие авторы. Так, если обратиться к источникам более раннего периода, то можно указать на отписку терского воеводы Н. Вельяминова о сношениях с кайтагским уцмием Рустем-ханом, относящихся к 1618 г., где писалось: «И князь Сунчалей мне сказывал, что усмей де князь кайдацкой в горах человек первой и людьми силен. Никому не служит, ни турецкому, ни крымскому, ни кызылбашскому не галдует и ясаку не дает, и человек де он гордый против Гирея – князя (правитель Тарков. – Авт.) не вставая шапки не сымает, и Гирей де перед ним з братом своим с Илдаром вместе не садятца и стоят на коленках..., земля де его в крепких местах» (Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в., 1958. С.64-65). Немногом раньше И.-Г. Гербера А.И. Лопухин писал, что уцмий Кайтага был «владелец сильной и славной, ведают про то, что здесь, **кроме его, никто силы такой не имеет**» (подчеркн. нами. – Авт.) (*Лопухин А.И.*, 1958. С.11).

Такое положение кайтагского уцмий, кроме И.-Г. Гербера, отмечали и другие участники Каспийского похода Петра I. Так, Я.М. Маркович указывал, что «шамхан был целым комендиром, а усмей, чина имя, вицекомендиром» (Дагестан в известиях ... 1992. С.180–181). В одном источнике XIX в. сказано: «Род усмиев издревле пользовался почетом и относительным могуществом в Дагестане и уступал только Шамхальскому роду, когда Шамхалы в качестве Валы Дагестанского были поставлены выше других владельцев, но когда Шамхалы утратили прежнее свое значение и в половине 17 столетия перенесли свою резиденцию из Казикумуха в Тарки, то Уцмий стали равносильными с Шамхалами» (ЦГА РД. Ф.150.Оп.1.Д.18.Л.31). И.Н. Березин также писал, что «первоначально Усмей вместе с Шамхалом составляли первостепенных владетелей Дагестана» (*Березин И.Н.*, 1850.С.49).

Такое почетное положение уцмий и его место среди феодальных владетелей Дагестана отмечено и другими авторами. Так, в 40-е годы XVIII в. Я. Лерх отме-

чал, что уцмий был «сильнее прочих», и поэтому русские «его весьма часто ласкали» (*Лерх Я.*, 1791. С.77). Речь в данном случае идет об уцмии Ахмед-хане, о котором писал в своей работе и И.-Г. Гербер и который, говоря словами В. Потто, «был действительно одним из сильнейших владельцев в горах» (*Потто В.*, 1887. С.37). Кроме того, как отмечал Я.А. Маркович, уцмий был также «против других владельцев горских далеко богатший» (Дагестан в известиях... 1992. С.188). Богатство и сила уцмия выделяли его среди других владетелей Дагестана. И верно писал В.Г. Гаджиев, что «Кайтагское уцмийство всегда играло заметную роль в истории Дагестана» (*Гаджиев В.Г.*, 1979. С.121). Безусловно, в этом немаловажную роль играли и сами уцмии, являвшиеся для своего времени выдающимися государственными и политическими деятелями, которые выделялись среди других владетелей Дагестана своей храбростью, организаторскими способностями и политическим чутьем.

Говоря же конкретно об Ахмед-хане, следует отметить, что он, будучи уцмием в первой половине XVIII в., вел весьма активную политику, участвовал во всех политических событиях, вел хитроумную политику, которая приводила к определенной политической зависимости от него других владений и союзов сельских общин. Это подчеркивал в своем «Описании» и И.-Г. Гербер. В частности, он отмечал, что от уцмия Ахмед-хана «зависят с некоторыми договорами Султан Мамут Утямиш, Кубяща, Акуша и несколько таулинцов» (т. е. союзов сельских общин горцев. – Авт.) (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83).

В другом издании «Описания», в разделе, посвященном Акуша-Дарго, И.-Г. Гербер писал, как своей хитрой политикой Ахмед-хан привел в зависимое положение верхнедаргинцев. «Когда в 1725 году, – писал он, – российские войска из крепости Святого креста к усмейскому уезду приближались, чтоб его, усмея, добром или силою под Российскую империю привести, то усмей через подарки акушинцов к себе звал, что ему помогли русским противиться, чего ради оные к нему пришли, а когда он, усмей, добром Российской империи поддался, присягу и аманатов дал, то он акушинцов подданными своими объявил и что они ему русским противиться хотели; и того ради их ныне силою в послушание привести потребно. А акушинцов он, усмей, напротив российским войском стращал, что русские намерены с войском в Акушу идти и их раззорить, для того, что оне ныне к нему, усмею, на помощь пришли, и он их ныне оборонить не смел, ибо он русским поддался. Акушинцы, сего боясь, просили усмея, чтоб он их как подданных своих защитил, пообещали ему во всем послушны быть и дали ему для лутчаго уверения аманатов, и сим обманом усмей акушинцов под свою власть привел» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 101–102).

Разделы работы И.-Г. Гербера под названиями «Промысл» и «Состояние» практически посвящены одному и тому же вопросу – занятиям населения «Хайтаков» или «Карахайтаков». В первом из них он писал: «Питаются скотоплодием и имеют довольно пашен, также садов виноградных и протчих овощей. Пшеницею и ячменем удовольствуют (обеспечивают. – Авт.) многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). В разделе «Состояние» И.-Г. Гербер отмечал: «Хайтацкой уезд имеет землю ровную от моря до нижних гор (речь идет только о Нижнем (УбяхI) Хайдаке. – Авт.) и того ради довольно пашен, садов и речек, при которых много мельниц построено, а особливо имеются хорошие луга для корму скотины и баранов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 83–84).

Действительно, занимая территорию плоскостной (равнинной), предгорной и горной зон (о последней зоне будет сказано ниже, так как И.-Г. Гербер выделяет ее как вторую часть Кайтага), Кайтагское уцмийство имело прекрасные земли для занятия земледелием, огородничеством и садоводством, что подтверждается как сведениями и более раннего, и более позднего периодов. Именно выгодное географическое положение, как отмечал И.-Г. Гербер, «от моря до нижних гор», способствовало развитию в Нижнем Хайтаге (УбяхI – Хайдак) основных отраслей сельского хозяйства – земледелия, садоводства и скотоводства и выделению его как одной из наиболее экономически развитой части не только среднего, но и Дагестана в целом. Равнинная часть, растянувшаяся с севера от реки Инче до границ Дербентского владения, действительно была житницей Кайтага, обеспечивая также хлебом многих горцев, в особенности жителей даргинских обществ. И не без основания в 80-е гг. XVIII в. Я. Рейнеггс писал о Кайтаге, что «земля князя (уцмия. – Авт.) сего имеет наивыгоднейшее и плодоноснейшее положение» (Дагестан в известиях..., 1992. С.276). Проезжая по территории Нижнего Кайтага в 1636 г., А. Олеарий отмечал, что они прошли три красивые деревни, «имевшие вокруг себя несколько плодовых садов и тучные пашни» (*Олеарий А.*, 1906. С.495). Особенно с восхищением отмечал красоту и богатство земли Кайтага, ее плодородность Я. Рейнеггс. О терекемейской равнине («Къутсе») он писал: «Двенадцать деревень, обитаемых татарами, называемыми терекемме, собирают с плодоносных своих полей пшеницу, ячмень, пшено, просо и хлопчатую бумагу. Они также стараются разводить шелк к немалому тому прибытку, и стада им приносят немалую пользу. От реки Инче даже до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространные, плодоносные и зрению весьма приятные. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила ее еще одною немалою рекою, Большой Буам называемою, которая разливаясь в бесчисленные ручьи, утучняет сухость земли, беспрестанными морскими ветрами причиняемую» (Дагестан в известиях... 1992. С.276–277).

О предгорной части Кайтага Я. Рейнеггс писал, что в ней сплошной лес, «а некоторые горы и совсем им заросли и **вся приятная сия страна** (подчеркн. нами. – Авт.) ничто иное как лес один...» и если бы жители его росту «не препятствовали и не обрабатывали бы землю с большою себе пользою», леса было бы еще больше (Дагестан в известиях... 1992. С.277). А.И. Лопухин на 10 лет раньше И.-Г. Гербера, отмечая развитость подсечного земледелия в Кайтаге, указывал, что «от самого моря все место ровное и лесом довольно, и деревни усмиевы поселены все в лесу, есть около их и поля немалые» (*Лопухин А.И.*, 1958. С.31). «Плодоноснейшим уездом уцмуова княжества» был Ирчамул, жители которого, по словам Я. Рейнеггса, пользовались «благословением природы, которая в раселине каждого камня питает виноградную лозу». Развитость виноградарства, а также садоводства была отмечена им в Маджалисе (Дагестан в известиях... 1992. С.277).

По свидетельству Д.И. Тихонова, «терекемейцы» и «хайдаки» выращивали хлеб, выкапывали марену, занимались пчеловодством, скотоводством и особенно садоводством. «Фруктов разных родов, – писал он, – как-то: груш, слив, больших орехов, винных ягод, абрикос, винограда и прочих во всех деревнях в довольном изобилии». Им же, как бы подтверждая правильность слов И.-Г. Гербера о наличии в Кайтаге «много мельниц», подтверждено наличие многочисленных «мельниц мучных», которых «тамошними жителями сделано в довольном количестве...

на каналах, проведенных из текущих речек близ самых гор», и были расположены «одна от другой в близком расстоянии» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.134).

Аналогичные сведения о хозяйственной деятельности жителей Кайтага мы имеем и по XIX в. Так, А.И. Ахвердов в 1804 г. писал, что кайтагцы «имеют довольно изрядной избыток от своих земель, как-то: на плоскости живущие хлебопашеством, посевом сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, шелководством, также от нефтяных колодцев». Причем, как отмечал он далее, доходы от последних принадлежали «уцмию и его сородичам, а от марены народу, которая так необыкновенно много растет, что никогда и не выкапывают, а когда осенью под пшеницу и весною под просо и прочее пахут землю, выворачивают плугом. Иные пахари за одну весну вырезают марены на четыреста рублей серебром..., а почти вообще всякой не менее двухсот рублей серебром ежегодно получает» (*Ахвердов А.И.*, 1958. С.216).

О жителях предгорной части Кайтага А.И. Ахвердов писал, что они «имеют небольшие хлебопашества. Главный же их доход составляют фруктовые деревья, как-то: дулевые, яблочные, айвовые, персиковые, абрикосовые, ореховые» (*Ахвердов А.И.*, 1958. С.216).

Слова И.-Г. Гербера в сюжете «Состояние» о том, что в Кайтаге было «собливо много добрые луга для корму скотины и баранов» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83–84), действительно имели место. Это были в основном кутаны и зимние пастбища, которые, как писал в конце XVIII в. Д.И. Тихонов, «уцмием некоторые отданы его чиновникам за услуги. Они же отдают оные в наймы на зимнее только время горским жителям» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.134). Горские жители – это и население верхнекайтагских обществ, и в основном верхнедаргинцы и главным образом акушинцы, имевшие большие отары овец, для содержания которых у них не было зимних пастбищ. На это указывал и сам И.-Г. Гербер, писавший, что «акушинцы и многие таулинцы баранов своих зимним временем сюды (на зимние пастбища Кайтагского уцмийства. – Авт.) пригоняют и за это усмею положено пошлин (плата. – Авт.) платить. И поныне каждую зиму более 100000 баранов здесь кормятся, усмею от этого немалые доходы приходят» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84).

Отдельный сюжет И.-Г. Гербер в своем «Описании» посвятил доходам, которые брал уцмий Кайтага, в связи с чем отмечал: «Доходов от них берет усмей, из которых он своих старшин и знатных людей жалует и одаривает, а государю (императору Российскому. – Авт.) податей никаких из сих уездов не платится» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). В другом сюжете работы «Состояние» он также отмечал, что уцмий «повинен (должен. – Авт.) своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других каждой год одаривать, также некоторых таулинцов и других горских подарками в добром состоянии держать и к себе привлекать» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84).

В действительности доходы уцмий складывались не только от податей, получаемых им за пользование его землями, находившимися в Терекеме. Сами терекемейцы давали уцмию, как писал в конце XVIII в. Д.И. Тихонов, «хлеба с разного рода посева ежегодно десятую долю. Роющие мариону с каждой лопатки в лето по одному батману, или по 20 фунтов. Также еще дают масла по 4 фунта и такое же число меду, у кого есть пчелы». Далее, продолжая перечень доходов уцмий, он указывал, что у «хайдаков» уцмий брал «масло и мед» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.133). По его же сообщению доходы уцмий складывались из пошлин. Он писал, что, как и шамхал, уцмий получал «с провозимых посторонними купцами чрез их

владения товаров серебряной российской монетой с каждой повозки, как бы она нагружена не была товарами, по 2 руб. по 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда по 2 руб. 50 коп., с канцелярского семя 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20-ти голов по одной овце и скоту, с рыбы с 10-ти по одной же. С людей: на лошади верхом едущего и пеших с россиян, армян и жидов с каждого по 1 рублю» (*Тихонов Д.И.*, 1958. С.135). С тридцати ятаг и пастбищной горы Андрее-чи уцмий брал баранов и барашек от 700 до 1000 голов с каждого пастуха, живущего в ятагах при баранах – по одному каравану сыра. Терекемейские нефтяные черные колодцы ежегодно давали уцмию от 500 до 700 руб. серебром. Такой же доход он имел от соляного озера, находившегося между рекою Дарбах и аулом Деличабан (АКАК, 1875. С.67; *Магомедов Р.М.*, 1957. С.252–253).

Большие доходы приносила уцмию отдача на откуп марены в селениях терекемейцев. Как писал Р.М. Магомедов, «Башлы, Янгикент, Маджалис, Улутеркеме, Джемикент, Берикей и другие аулы пользовались правом свободной торговли; но при этом уцмий брал от каждого пуда с покупателей по 10 коп. серебром» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С.253). И еще, хотя жители обществ Верхнего Кайтага, Гапша, Ганка, Муйра были свободными узденями и не платили уцмию никаких податей, от уцмий в зависимость попали жители ряда сел союзов Шуркант, Каттаган и Ицари. Так, жители Абдашка (магал Шуркант), Турага (магал Каттаган) платили уцмию «определенную дань или подати от своего хозяйства, которая заключалась – от жителей Абдашка – масло, от жителей Турага – масло и сигязиз (грубый холст) или хлеб» (Феодальные отношения... 1969. С.219). «Магал Уцари платил следующие подати: жители сел. Уцари – 30 баранов, 30 барашек, 20 козлов, 20 козлят; жители сел. Шари – 20 баранов, 20 барашков, 10 козлов, 10 козлят и 2 телят годовалых, жители сел. Чагры – 21 батман масла (один батман = 6 фунтам); жители Сана-Кара давали 9 веревок для увязки на вьюки масла, которое давали чагринцы, одну сабу ячменя для лошадей нукеров уцмий и один шерстяной чувал для нукера» (Феодальные отношения... 1969. С.219–220).

Среди доходов уцмий И.-Г. Гербер отмечает и деньги, получаемые им от персидских шахов. Он, в частности, писал: «Получал усмей прежде сего (до принятия подданства России в 1725 г. – Авт.) от шаха к оным доходам (кроме указанных выше доходов. – Авт.) еще в прибавок каждой год 2000 рублей», за что он обязан был «со своими подданными воинскую службу по требованию (шаха. – Авт.) отправлять» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83).

Как бы суммируя все доходы уцмий, сословно-поземельная комиссия в своей записке о Кайтаге писала, что они «заключались: 1) в пошлине с торговых караванов, проходящих через Кайтаг; 2) доход с пяти ятагов и пастбищной горы Андара-чи; 3) доход с нефтяных колодцев на Неут-кутане; 4) с отдельных уцмиевских соляных озер; 5) пшеницу и ячмень с жителей Каба-Дарго (до конца XVIII в. – Авт.); 6) жители магала Ицари и Шари давали баранов, мед, масло и сигязиг (грубый холст); 7) доход с мельницы в сел. Башлы и с ореховых деревьев около этого селения; 8) части штрафов за преступления с жителей сел. Башлы» (Феодальные отношения... 1969. С.183).

В рубрике «Состояние» И.-Г. Гербер дает в какой-то мере и характеристику уцмию Ахмед-хану, основываясь при этом на его поступках и действиях в то или иное время, о чем было сказано и выше в связи с проводимой уцмием политикой в отношении Акуша-Дарго. Он, в частности, писал: «Сей усмей Ахмед хан человек

лукавой и неглупой; он через свой подговор много к тому помогал, что шамхал против России збунтовал, и хотя он обязался с войском своим с шамхалом соединиться (речь идет о походе шамхала Адил-Гирея на крепость Святого креста в 1725 г. – Авт.), однакож он в то дело не вмешивался и сидел тихо, ожидая, будут ли турки по обещанию Даудбека шамхалу в помощь [идти]; а как он увидел, что турки то не исполнили, а российское войско (после неудачной осады кр. Святого креста. – Авт.) на шамхала пошло, то поддался он Российской империи и присягу учинил и для того (поэтому. – Авт.) сохранен остался» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84). Именно после этого уцмий Ахмед-хан, что было отмечено и выше, принял подданство России, дав присягу и аманатов не только за себя, но и за Кубачи и утамишского султана. Об этом писали и участник Каспийского похода Петра I Я.А. Маркович и академик П.Г. Бутков: «Уцмий с сынами и стариками своими и кубачинцами и султан утемишский отдались в российское подданство и дали аманатов в Дербент, в числе коих от утемишского султана был полуторагодичный единственный сын его» (*Бутков П.Г.*, 1869. С.82).

За принятие подданства России уцмий обязался выступать со своим отрядом, за что ему определили ежегодное жалованье по 2 тыс. руб. и, кроме того, за его сестрой и для некоторых родственников были закреплены «доходы земли сальянской» (*Бутков П.Г.*, 1869. С.83).

В «Примечании» к описанию Нижнего Кайтага И.-Г. Гербер говорит об одном обычае, который существовал в Кайтагском уцмийстве по содержанию малолетнего наследника уцмийства. Он, в частности, писал: «Усмей следующую обыкновенность имеет, чтоб своих подданных к обязанности к себе содержать. Когда усмея родился сын, то несколько дней по рождению младенец посылается в некоторую (одну. – Авт.) из его деревень, которого тамошних жителей жены грудью своими кормят, а когда во всей деревне ряда отошла (дошла очередь до всех. – Авт.), то отвезут младенца в другую деревню, где таким же образом поступают, потом в третью, и в четвертую, пока время младенца от груди отставить; отчего обитатели тех деревень обязанными считаются свой живот и тело для их терять, ибо они себя с ними в свойстве счисляют (т. е. считают. – Авт.), поняже (потому что. – Авт.) одну грудь с ними сосали» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84).

В разделах «Описания» И.-Г. Гербера «Хайтаки» и «Карахайтаки», вместе с предыдущим разделом, описанным нами выше, имеется в виду часть Кайтагского уцмийства, названная, как и другие политические структуры, провинцией, т. е. имеется в виду Верхний Кайтаг, поименованный, как и Нижний Кайтаг, одной из «провинций» уцмийства. Если в первом разделе под рубрикой «Имена уездные и народам» жители его даны как «хайтаки», то во втором уезде они названы как «карахайтаки, народ».

Далее И.-Г. Гербер говорит о положении «карахайтаков», что было дано в сюжете «Ситуация». Здесь он отмечает, что «карахайтаки» находились выше «хайтаков, между нижними горами, далее к весту (западу. – Авт.) имеются высокие горы, за которыми кумыки живут, к зюйду (югу. – Авт.) протянется до Табасарани и хасии кумыкам, а к норду (северу. – Авт.) до Кубяша» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84). Под Кубяша, очевидно, надо понимать союз (магал) Ганк, центром которого вместе с Киша и было сел. Кубачи. Значит, если это верно, то речь идет о территории Кайтагского уцмийства, которая доходила до Сюргинского союза сельских общин. Это хорошо понятно становится при анализе сюжета «Уезд», где сказано: «Уезд также не малой, только немного горист; состоит также во многих

хороших и великих деревнях, между которыми особенно одна деревня великая, крепкая и сильная, она называется Карагураш» (Калакорейш, Уркмудза – на местном диалекте даргинского языка) (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.84).

Если исходить из того, что этот «уезд» имел территорию до Кубачи, то мы должны заключить, что в его составе были союзы Гапш, Ганк и Муйра. Но настоятельно утверждает наш автор о том, что «уезд» был хотя и «не малой», «только немного горист». Из этого можно полагать, что в этот «уезд» входили не только указанные даргинские союзы Верхнего Кайтага (часть территории нынешнего Дахадаевского района), но и союзы Урчемул, Каракайтаг, Шуркант и Каттаган, территория которых находилась в предгорной части Кайтага, почему И.-Г. Гербер писал о ней «немного горист». Если это верно, то действительно эта часть Кайтагского уцмийства («уезд») был «не малой», так как здесь было много населенных пунктов, входивших в указанные союзы. Согласно данным А. Комарова, только в Урчемуле и Каракайтаге было 32 селения (*Комаров А.*, 1873. С.43; см. также *Козубский Е.И.*, 1895. С.306–311). По их же данным, в верхнекайтагских (даргинских) селах было: в Ганке 7 селений во главе с Киша и Кубачи, в Гапше (центр Уркарах) – 5 сел, в Муйра (центр Калкни) – 7 селений (*Комаров А.В.*, 1869. С.88). Р.М. Магомедов писал о 8 селах Муйра и 9 селах, входивших в Кубачинский магал (*Магомедов Р.М.*, 1957. С.232).

Селение Калакорейш, которое И.-Г. Гербер называет великой, крепкой и сильной деревней, действительно и после перенесения центра Кайтагского уцмийства сначала в Маджалис, а затем в Башлы оставалось таким известным, влиятельным и политически значимым. Еще более 100 лет до И.-Г. Гербера Ф. Котов, описывая обратный путь из Персии в Россию, который шел от Низабада к северу через Дербент, Кайтаг, Тарки, Терек и далее до Астрахани, писал, что у кайтагов «есть каменная крепость, а сами они живут в горах» (См.: Дагестан в известиях... 1992. С.65).

Конечно, речь здесь идет о Калакорейше и жителях даргинских союзов Верхнего Кайтага. И авторы более позднего времени писали о Калакорейше как о большом и крепком селении. А Ю. Клапрот отмечал, что «Кара-Гурши» был столицей Каракайтага (*Клапрот Ю.*, 1827. С.18).

В сюжетах «Языки», «Законы», «Владельцы», «Промысл», «Доходы» и «Примечание» даны те же сведения о «Каракайтаге», которые имеются и в «уезде» «Хайтаки».

И только в сюжете «Состояние» имеются конкретные сведения о даргинских союзах Верхнего Кайтага, касающиеся занятий населения, и ряд сведений о Калакорейше. В частности, о занятиях населения этих союзов И.-Г. Гербер писал: «Карахайдакской уезд не так хлебороден как хайтацкой, ибо он гористой, и оттого обитатели не в таком добром состоянии, как хайтаки, отчего их называют карахайтаками, то есть черными хайтаки» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.85).

Действительно, в этой части Кайтага меньше пахотуодобных земель, и ее никак нельзя сравнивать в этом отношении с равнинной частью, где находились огромные прекрасные поля Терекемейской равнины, обеспечивавшие хлебом, как отмечал И.-Г. Гербер, не только жителей уцмийства, но и «многих в горах живущих народов, которые для покупки того хлеба сюды приезжают» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.83). Среди этих горцев, конечно, надо иметь в виду в первую очередь жителей союзов Верхнего Кайтага, где, кроме селения Киша, остальные селения имели недостаточное количество пахотуодобных земель, почему их жители покупали зерно именно в Нижнем Кайтаге, как в наиболее близлежащем хлебном рай-

оне. К тому же они, как и жители Нижнего Кайтага, входили в одну и ту же политическую структуру – Кайтагское уцмийство.

В Верхнем Кайтаге разводили много скота, в основном мелкий рогатый скот, что видно и по сведениям XIX в., согласно которым здесь были владельцы нескольких тысяч овец, например, в сел. Уркарах, о чем писал Д.Н. Анучин (*Анучин Д.Н.*, 1882). Но здесь были и владельцы многочисленного поголовья и крупного рогатого скота, в особенности в указанном селении Уркарах. Согласно имеющимся сведениям, в Уркарахе был тухум Хаджи-Мамед кадия, который носил еще название Канцеляров, происходившего от слова кьянцѡа, что означает пегий скот. У представителей этого тухума было так много крупного рогатого скота этой масти, что их стали называть Кьянцѡабарами, т. е. владельцами пегого скота (См. ЦГИА РГ. Ф.416.Оп.4.Д.14.Л.1.). В центре союза Ганк – с. Киша, где было и много пахотуодобных земель, была, по данным 80-х гг. XIX в., 1591 голова крупного рогатого скота, т. е. примерно 3,5 головы на одно хозяйство, и всего 622 овцы (Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета, 1890. С.164–165).

А вот название Каракайтага, его происхождение и название жителей – каракайтагов И.-Г. Гербер слишком просто объясняет, связывая это с их «не таким добрым состоянием», как жителей Нижнего Кайтага. Вряд ли это верно.

Существуют разные версии на этот счет. Но основная из них это та, что название Каракайтаг выводится из многочисленных лесных массивов в предгорной части Кайтага, поскольку лесом покрыты все горы, отчего они из далека выглядят черными. Отсюда и Каракайтаг, т. е. Черный Кайтаг. Но в этом случае вроде речь идет только о союзах (магалах) Урчмул, Каракайтаг, Шуркант и Каттаган. Но, если учесть, что И.-Г. Гербер писал о Калакорейше как об одном из селений этой части Кайтага, которое входило в состав Гапша, то мы должны полагать, что речь идет и о союзах (магалах) Муйра, Гапш и Ганк.

О Калакорейше у И.-Г. Гербера сказано, что это большая «в сем уезде (части Кайтага. – Авт.) лежащая деревня», которая «имеет крепкую ситуацию» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.85). Действительно, Калакорейш выделялся не только своими размерами, но и крепким положением. Дома, расположенные по краям селения, были построены вплотную друг к другу и они как бы составляли цельную, высокую, оборонительную стену. И само селение находилось на горе, к которому вела только одна мощеная дорога со стороны Кубачи и две дороги – одна со стороны селения Дибгалик и тропинка по ущелью «Джугьугла кьадди». Отсюда и местное название селения Калакорейш – Уркмузда, т. е. селение, находящееся в середине холма.

И.-Г. Гербер, говоря о занятии калакорейшцев, отмечал, что «обитатели (жители. – Авт.) во оной не убогие, имеют всякие торги» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.85). Действительно, территория, занимаемая Калакорейшом, была неудобна для ведения земледелия. Вокруг везде был лес, где в основном калакорейшцы пасли свой скот. Поэтому они больше занимались промыслами и торговлей, помимо животноводства, развитию которого способствовали небольшие пастбищные участки и лес, обильный в летний период травой.

О развитии торговли у калакорейшцев свидетельствуют сведения 30-х годов XVIII в. Так, согласно таможенным рапортом караульных команд за 1735 г., только за один день 30 января в Дербент въехали из Калакорейша 50 человек с 50 вьюками бурок и сукон (*Шихсаидова Р.С.*, 1985. С.101–102). Из этих сведений

можно понять, что калакорейшцы из домашних промыслов больше всего занимались обработкой шерсти. Они изготовляли из шерсти не только сукно, известное как «лезгинское», но и бурки. Значит, у них хорошо было развито и овцеводство, которое и давало шерсть, необходимую для производства сукна, бурок и других шерстяных изделий, изготовляемых и употребляемых практически всеми горцами Дагестана.

И, наконец, на что обратил внимание И.-Г. Гербер в отношении Калакорейша, – это вопрос об управлении. Он, в частности, писал, что калакорейшцы «выбирают между собою ежегодно несколько старшин, которым в тот год послушны бывают, и того ради подданными ко усмею себя не счислят, но больше союзниками» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С.85). Действительно, как показывают и другие источники, в Калакорейше выбирали старшин на один год, и их бывало несколько человек. По сведениям П.Г. Буткова за 1742 г., в Калакорейше выбирали ежегодно 8 старшин (*Бутков П.Г.*, 1869. С.216).

Что касается утверждения И.-Г. Гербера, что калакорейшцы не считали себя подданными уцмий, то оно не совсем верно. Калакорейш входил в состав Кайтагского уцмийства. Поэтому все жители уцмийства являлись подданными его правителя – уцмий, хотя жители союзов Верхнего Кайтага не платили ему никаких податей и имели свое внутренне самоуправление. Они, в том числе и калакорейшцы, лишь по просьбе уцмий предоставляли ему ополчение в необходимых случаях. Но это делалось не как обязательство, а именно по просьбе уцмий. И в этом плане нельзя не согласиться с Р.М. Магомедовым, который писал: «Что касается власти уцмий в узденских магалах, то о ней следует сказать, что она определялась самим существованием джамаатских и магальских адатов, с одной стороны, и, с другой – кодексом Рустем-хана.

Во внешнеполитических делах уцмий старался быть самостоятельным, но это ему удавалось не всегда; надо было считаться с узденским Кайтагом, и его игнорирование зачастую в самое нужное время лишало уцмий поддержки» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С.233).

И далее, заключая взаимоотношения уцмий с узденским Кайтагом, Р.М. Магомедов отмечал: «Все это в достаточной степени характеризует ограниченность власти уцмий в Кайтаге. Джамааты всячески старались сохранить свое внутренне устройство и не быть придатком уцмий. Но вместе с тем они нуждались в таком покровительстве уцмий, ибо обстановка тогдашнего Дагестана – этого конгломерата мелких владений и союзов джамаатов, враждующих между собой, – поневоле толкала их на сближение с уцмием. С одной стороны, Кайтаг в связи с усилившимися классовыми противоречиями не был спокоен и внутренне, с другой стороны, Кайтаг расположен был на узле важных дорог и, гранича с Дербентом, часто подвергался нападениям со стороны вооруженных сил турок, персов и России. Сама обстановка вынуждала теснее сплачиваться вокруг уцмий, в лице которого уздени хотели видеть способного, волевого и сильного военачальника, умеющего постоять за Кайтаг. И когда война становилась неизбежной, уцмий должен был действовать совместно с главами магалов, и вопросы войны и мира не могли быть решены без народных сходок, без собраний, на которых присутствовали представители джамаатов» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С.247).

Остановимся еще на одном пункте, где Р.М. Магомедов завершает характеристику взаимоотношений уцмий с узденской частью Кайтага и опять говорит о комплектовании вооруженных сил уцмий. Он, в частности, писал: «Помимо нукеров, основным видом военных сил в Кайтаге являлись ополчения, состоящие ис-

ключительно из узденей. По призыву уцмий, как уже говорилось, уздени ополчались. Каждый узденский магал выставлял свое ополчение, а это ополчение составляло наиболее внушительную и решающую военную силу Кайтага. В «Описании» Северного Дагестана рассказывается: «Когда же случается потребность в войске, то уцмий дает свое повеление, по которому уже без всякой отговорки должен идти из каждого двора по одному человеку, на тот конец, дабы защищать свои границы от наступающего неприятеля; но когда бы он вздумал идти с войском для помощи какому-нибудь владельцу, то уже в то время уцмий должен просить их по доброй воле или за платою денег, а принудить их не может» (*Магомедов Р.М.*, 1957. С.254. Ссылается на ЦГВИА.Ф.ВУА.Д.№18474.Л.1–61.С.18).

Таково описание Кайтага в работе И.-Г. Гербера. Как видно из приведенного материала, его анализа и сопоставления с другими работами по Кайтагу, Кайтагское уцмийство действительно было в описываемое время одной из крупных по масштабам Дагестана политической структурой, по которому И.-Г. Гербер оставил очень важные для изучения его истории сведения о территории, границах, населении, языке, хозяйственной деятельности его жителей, политическом положении, роли в системе других владений Дагестана, его владетелях, взаимоотношениях с Персией и Россией, отношении к различным частям владения и т. д. Это первоклассные, хотя и не подробные сведения, позволяющие раскрыть многие вопросы истории Кайтага не только XVIII в., но и более ранних и поздних периодов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абу Мухаммад Ахмад ибн Асам ал-Куфи*, 1795. *Китаб ал-футух*. Ч.8. Хайдарабад.
- Айтберов Т.М.*, 1986. Центральная часть Восточного Дагестана в XII–XIII вв. (к хронологии географии борьбы с мусульманами) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала.
- АКАК, 1875. Т.6. Тифлис.
- Алиев Б.Г.*, 2005. И.-Г. Гербер о союзах сельских общин Аварии // Вестник Института истории, археологии и этнографии. №1. Махачкала.
- Алиев Б.Г.*, 2003. Сведения И.-Г. Гербера об Акуша-Дарго // Вестник Адыгейского Республиканского института гуманитарных исследований. (Отдел истории). Вып.6,7. Майкоп: «Меоты».
- Анучин Д.Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестане летом 1882 г. // ИРГО. Т.20. Вып.4. СПб.
- Ахвердов А.И.*, 1958. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М.
- Белазури*, 1927. Книга завоевания стран / Текст и перев. с араб. П.К. Жузе. Баку.
- Бакиханов А.-К.А.*, 1991. Гюлистан-и Ирам / Ред., коммент., примеч. и указ. акад. АН АзССР З.М. Буниятова. Баку: «Элм».
- Березин И.Н.*, 1850. Путешествие по Дагестану и Закавказью. 2-е изд. Казань.
- Броневский С.*, 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.2. М.
- Бутков П.Г.*, 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч.1. СПб.
- Бутков П.Г.*, 1958. Сведения о Дербентском и Кубинском владениях. 1798 г. // ИГЭД. М.
- Выдержки, касающиеся истории Дагестана из книги «Путешествие в Астрахань и на Кавказ». Первоначальная история народов, обитающих в этих странах.

Новое описание Понта Эвксинского графом Иваном Потоцким. Работы, опубликованные и снабженные заметками и таблицами Ю. Клапротом, 1827 / Перев. с фран. З. Кидаловой: Париж: Лейпциг // РФ Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.57.

Гаджиев В.Г., 1979. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астрахонью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.

Гербер И.-Г., 1958. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв., 1992. / Сост., введ., вступ. статьи к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала.

Дагестанская область. Свод статистических данных, извлеченных из семейных списков населения Закавказья. Издание Закавказского статистического комитета, 1890. Тифлис.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г., 1980. Культура и экономика древнего Ирана. М.

Дренякин Т.И., 1958. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М.

Зубов П., 1835. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.3. СПб.

История Дагестана, 1967. Т.1. М.

Караулов Н.А., 1908. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып.38. Тифлис.

Караулов Н.А., 1901. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане. 1. Ал-Истахрий // СМОМПК. Вып.29. Тифлис.

Клапрот Ю., 1827. Историческая, географическая, этнографическая и политическая карта Кавказа и соседних провинций, находящихся между Россией и Персией. Париж: Лейпциг / Перев. с франц. З. Кидаловой // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.76.

Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф., 1958. Описание Дагестана. 1831 г. // ИГЭД. М.

Козубский Е.И., 1895. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура.

Комаров А.В., 1873. Народнонаселение Дагестанской области // ЗКОРГО. Вып.8. Тифлис.

Комаров А.В., 1869. Списки населенных мест Дагестанской области // СССК. Тифлис.

Лерх Я., 1791. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1745 до 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. Ч.52. СПб.

Лопухин А.И., 1958. Журнал путешествий через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М.

Магомедов Р.М., 1968. История Дагестана. С древнейших времен до конца XIX века. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1964. Памятники истории и культуры даргинцев XVII века. Махачкала.

Магомедов Р.М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX века. Махачкала.

Минорский В.Ф., 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М.

Махмуд из Хиналуга, 1997. События в Дагестане и Ширване XIV–XV вв. / Перев. с араб., сост., предисл., коммент. и прилож. А.Р. Шихсаидова. Махачкала.

Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, 1836 / Под. ред. В.Г. Легнобытова. Ч.I,IV. СПб.

Олеарий А., 1906. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.

Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы 1965 / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Полевой материал, собранный в Кайтагском районе в 1968 г.

Потто В., 1887. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т.1. Вып. 1. СПб.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153), 1971 / Публикация С.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. М.

Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы, 1958 / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала.

Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербейджане, 1903. III. Ибн-Хордадба. IV. Кудами. V. Ибн-Руста. VI. Ал-Якуби / Перев. и примеч. Н.А. Караулова // СМОМПК. Вып.32. Тифлис.

Тихонов Д.И., 1918. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.

Феодальные отношения в Дагестане. XIX – начало XX в. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М.

Чамчиан, 1784. История Армении. Венеция.

Челеби Э., 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.

Шихсаидова Р.С., 1987. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII – нач. XIX в. // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала.

Якуби, 1927. История / Перев. с араб. П.К. Жузе. Баку.

ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 18. Л. 39.

ЦГИА РГ. Кавказская археографическая комиссия. 1864. Ф. 416. 1917. Оп. 1. Д. 14.